
Е.А. Гуревич

«НОЖ И РЕМЕНЬ»: ОБ ОДНОМ НЕИССЛЕДОВАННОМ ОБЩЕМ МЕСТЕ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЙ ПРОЗЕ

Статья посвящена одному из ранее не исследованных топических мотивов, встречающихся в исландской прозе – паре «нож и ремень» (*knifr ok beltr*). Как следует из анализа всех сохранившихся примеров из саг и прядей, в которых используется это общее место, пара «нож и ремень» регулярно появляется в двух типах контекстов, причем в каждом из них она выполняет вполне определенные функции. В первом – это личные вещи, служащие средством идентификации их владельца. Это могут быть «верительные» знаки, которые легко опознаются окружающими, как принадлежащие конкретному персонажу, и потому доказывают правдивость сообщения его посланца, либо улики, прямо указывающие на преступника в ситуациях, когда нарушается закон. Во втором – это ценности, передаваемые в дар (нередко на прощание) или в награду за что-то (в том числе за оказанную услугу или отказ от враждебных действий). Важная общая черта, объединяющая почти все известные контексты, в которых появляется пара «нож и ремень», независимо от выполняемых ею функций, – это характеристика опознаваемых либо передаваемых в дар личных предметов как «драгоценностей» или «сокровищ».

Ключевые слова: топосы, древнеисландская литература, саги, пряди.

Необходимость изучения «общих мест», или «топосов», будь то устойчивые риторические формулы или повторяющиеся темы и мотивы, к которым по традиции прибегает средневековый рассказчик, описывая сходные ситуации, давно уже стало общим местом современного литературоведения. Ни для кого не секрет, что те же приметы традиционного стиля были характерны и для произведений древнеисландской прозы – саг и прядей¹. Цель предлагаемой статьи – описать один из ранее не исследованных топических мотивов, встречающихся в исландских текстах, а именно пару *knifr ok beltr* «нож и ремень», что предполагает установление контекстов, в которых этот мотив используется, а также функций, которые он в них выполняет.

---

¹ См., в частности, одну из последних статей Г.В. Глазыриной, посвященную этой теме: Глазырина 2013.

1. Опознаваемые предметы / знаки

Уместно начать с текста, в котором пара «нож и ремень» впервые привлекла наше внимание и, несмотря на свою, казалось бы, тривиальность (обычные бытовые предметы), показалась достойной изучения. Это – «Прядь о Хрои Простаке» («Hróa þáttur heimska»), которая входит в «Сагу об Олаве Святом» в «Книге с Плоского Острова» (последняя треть XIV в.).

Датский купец Хрои приезжает в Швецию, где сталкивается с тремя братьями-обманщиками. Первый хитростью захватывает все его товары, второй требует вернуть ему якобы некогда отобранные сокровища – дорогие пояс и нож, третий – заявляет, что чужеземец присвоил его глаз². Прядь представляет собой переработку восточной новеллы из «истории семи мудрецов» о злоключениях купца в городе мошенников («Рассказ о купце и слепом старце»), и за каждым из ее главных эпизодов стоят литературные прототипы³. К этому мы еще вернемся, но сперва посмотрим, что же здесь говорится об интересующих нас предметах.

Рассказывается, что «Хрои был богато одет, поскольку он был большой щеголь. При нем были «отменный пояс и нож, и на тот и на другой было потрачено много денег» («bellti agætt ok knif ok kom mikít fe til huorstueggia»: Flat. II. S. 75). Далее сказано, что перед встречей с братьями Хрои накинул себе на шею пояс, на котором висел драгоценный (букв. «весьма дорогостоящий») нож («Hroi hafde kastat belltinu a hals ser ok þar hek við knifr æinn hardla femikill»: Flat. II. S. 76) – запомним этот накинутый на шею пояс с подвешенным к нему ножом, так как он нам еще встретится в дальнейшем). При встрече один из братьев, Торгисл, протягивает руку к выставленному на всеобщее обозрение ремню и ножу Хрои и объявляет, что раньше эти вещи принадлежали ему: они, якобы, были изготовлены по его заказу в Англии, а Хрои отнял их у него в Валланде (Франции), и обещает вчинить ему иск. Позднее на суде Хрои поведал целую историю о том, как к нему попали эти драгоценные предметы (как и в выдвинутом против Хрои обвинении, в истории этой, однако, не было ни слова правды: она была выдумана мудрым лагманом Торгнором в качестве ответа на навет мошенника, и Хрои лишь подслу-

² Полный текст пряди можно найти в кн. «Исландские пряди»: Гуревич 2016. С. 210–220.

³ См. об этом рассказе: Strömbäck 1970; Гуревич 2004. С. 300–316.

шал и пересказал ее). В ней он объяснял, что, действительно, нашел оба предмета в Валланде, но при других обстоятельствах: а именно, рядом с телом своего младшего брата, который был там ограблен и убит, причем убийца оставил на месте преступления улики – нож и пояс. А потому, если верить утверждению Торгисла, что он был владельцем найденных Хрои ценностей, то, выходит, что он и был тем самым грабителем и убийцей. Так Хрои выиграл тяжбу.

Эпизод пряди, в котором фигурируют нож и ремень, не имеет восточных прототипов, однако он может быть возведен к «западному» варианту сюжета о купце и слепом старце. В среднеанглийской поэме «Рассказ о Берине» («The Tale of Beryn») и старофранцузском романе о Беринусе («L’Histoire du noble chevalier Berinus») появляется новый сюжетный элемент: требование обманщика вернуть некогда принадлежавший ему драгоценный нож, причем и в них приводится весьма похожий рассказ об убийстве родственника и разоблачении преступника – здесь требующего назад орудие убийства, оставленное им в теле жертвы (The Tale of Beryn. P. 69–70, 99–100, 113–115; Гуревич 2004. С. 310). Таким образом, оказывается, что в истории о Хрои *нож* «западного» извода известного интернационального сюжета преобразуется в *нож и ремень*, и подобная трансформация, очевидно, обусловлена тем, что в древнеисландской традиции эти предметы неоднократно упоминаются вместе, судя по всему, образуя нерасторжимую пару. Как, по-видимому, справедливо считал Д. Стрёмбэк (Strömbäck 1970. S. 92–93), в нашем рассказе это преобразование, скорее всего, могло произойти под влиянием «Саги о Халльфреде Трудном Скальде», поскольку в нескольких эпизодах этой саги обнаруживается целый ряд параллелей с историей о Хрои. Однако, если бы не это обстоятельство, то у нас не было бы повода связывать преобразование заимствованного мотива в рассказе о Хрои с влиянием какого-то определенного скандинавского текста: как уже было сказано, «Сага о Халльфреде» – далеко не единственный текст, в котором упоминается пара нож и ремень. Только в прядях нам встретилось пять соответствующих контекстов, а если прибавить к этому саги, то в общей сложности их набралось 17⁴. Кроме того, нож и ремень упоминаются вместе в норвежских законах. В «Ландслове» (Landslov, 1274 г.) в разделе о кражах среди прочего сказано: «Nv ef maðr stelr hundi manz eða ketti. knifi eða bellti...»

---

⁴ Наиболее полный перечень примеров употребления этой пары см.: A Dictionary of Old Norse Prose (Далее – ONP).

(Landsl. 172¹⁶)⁵ «Если один человек крадет у другого его собаку или кошку, нож или ремень...» (продолжение этой цитаты последует в своем месте). Так что уже одна только частотность появления этой пары – повод присмотреться к каждому из контекстов, в которых она встречается, и выяснить, каким образом она в них представлена и какие функции выполняет. Как можно было заметить, в «Пряди о Хрои» нож и ремень это не просто *ценности* (что здесь особо подчеркивается), но в первую очередь *опознаваемые вещи, служащие уликой*. Всегда ли это так?

В «Саге о Ньяле» Откель, хозяин Церковного Двора, дарит ирландскому рабу Мелькольву «нож и пояс и всю одежду» («gaf honum kníf ok belti ok alklæðnað» [k. 47]) (Brennu-Njáls saga 1954. Bls. 121). Впоследствии Гуннар с Конца Склона покупает Мелькольва у Откеля. Халльгерд, жена Гуннара, под угрозой смерти заставляет раба украсть у соседей на Церковном Дворе «два вьюка съестных припасов – сыру и масла» (Смирницкая 1999. Т. II. С. 130) и велит ему затем поджечь клеть, чтобы никто не заподозрил кражи. Тот выполняет ее распоряжение, но по пути домой ему приходится остановиться, чтобы починить ремень на обуви, и он забывает на дороге «нож и пояс» («honum liggir eptir knífrinn ok beltit» [k. 48]). Доехав до Конца Склона, Мелькольв «хватился ножа, но вернуться не решился. Он отдал сыр и масло Халльгерд, и она была очень довольна» (Brennu-Njáls saga 1954. Bls. 123; Исландские саги 1999. Т. II. С. 130–131).

Сразу вслед за этим Скамкель (друг Откеля) отправляется искать овец и находит на дороге забытые рабом нож и пояс. «Вещи эти кажутся ему знакомыми, и он отправляется с ними в Церковный Двор» («var þat knífr ok belti, ok þykkisk hann kenna hvárttveggja ok ferr með í Kirkjubœ» [k. 49]) к Откелю. Тот узнает в них собственные подарки. Потом «они показали эти вещи многим людям, и все их узнали» (Brennu-Njáls saga 1954. Bls. 124; Исландские саги 1999. Т. II. С. 131). В конечном счете это происшествие приводит к большому конфликту и убийству Откеля и Скамкеля Гуннаром.

Итак, и здесь нож и ремень – это *опознаваемые вещи, служащие уликой*. Отметим при этом, что прежде чем сделаться таковыми, они были введены в сагу как *дар* рабу, затем совершившему кражу.

Следующий пример из «Саги о людях из Лососьей Долины» (гл. 20–21). Мелькорка, дочь ирландского короля Мюркьяртана и

⁵ Цит. по ONP.

мать Олава сына Хёскульда, хочет, чтобы он отправился в дальние края навестить своих знатных ирландских родичей. При прощании она дает ему большой золотой перстень со словами: «Это сокровище подарил мне мой отец на зубок, и я думаю, что он узнает его, если увидит». После этого, она «вложила в его руку нож и пояс» («fékk hún honum í hönd hníf og belti») и попросила его передать это ее приемной матери, сказав, что та не может не признать эти «знаки» («Get eg að hún dyljist eigi við þessar jartegnir») (ÍSP, III. Bls. 1560; Исландские саги 1999. Т. I. С. 256–257). В следующей главе рассказывается, что так и произошло. При этом говорится, что, когда Олав передал ей нож и пояс, «старуха узнала эти драгоценные вещи (gripina) и заплакала от радости» («Pá seldi Ólafur henni hnífinn og beltið og kenndi kerling gripina og varð grátfeigin»: ÍSP, III. Bls. 1564). Таким образом, и здесь нож и пояс – *опознаваемые вещи*, которые, однако, служат не уликами, а «верительными знаками», которые один из персонажей саги посылает другому в доказательство правдивости переданного ему сообщения.

Аналогичную функцию эти же вещи выполняют в одном из эпизодов «Саги о Халльфреде Трудном Скальде», в которой нож и пояс встречаются трижды, причем всякий раз в новом контексте. Будучи в Швеции, Халльфред неосмотрительно берет в проводники разбойника и тот убивает его спутника Аудгисла, причем нападает и на Халльфреда (о чем еще будет упомянуто). Наутро «Халльфред нашел Аудгисла лежащим мертвым у ручья и забрал его нож и ремень» [редакция «Möðruvallabók»: «tók af honum hníf og belti og hafði með sér» [к. 7] (ÍSP, II. Bls. 1209); в редакции саги в «Книге с Плоского Острова» («Flateyjarbók») прибавлено, что это были «драгоценные вещи»: «Tók hann af honum hníf og belti og hafði með sér. Það voru góðir gripir» [к. 9] (ÍSP, II. Bls. 1241)]. Затем Халльфреда приговаривают к смерти (жертвоприношению) за убийство. Дочерью местного предводителя оказывается Ингибьёрг, жена его убитого компаньона Аудгисла. Халльфред объявляет ей, что у него есть «драгоценные вещи, которые ей послал» ее муж [редакция «Möðruvallabók»: «kvadst hafa þar gripir er Auðgísl hafði sent henni» [к. 8] (ÍSP, II. Bls. 1210)]. В редакции же «Книги с Плоского Острова» [к. 9] сказано, что в доказательство правдивости своего рассказа Халльфред готов представить «нож и ремень», которые он «снял с мертвого Аудгисла» («hefi eg hér nú ekki annað tíl míns vitnisburðar, að saga mín er sönn, en hníf og belti er eg tók af Auðgíslu dauðum»). Вдова узнает их, и тогда Халльфред рассказы-

вает ей о случившемся (ÍSB, II. Bls. 1242). Позднее Халльфред женится на Ингибьёрг. И вновь рассказчик использует нож и ремень как *опознаваемые вещи, подтверждающие правдивость рассказа*.

Сходный пример и притом очень близкую параллель к процитированному фрагменту из «Саги о Халльфреде» мы находим в заключительной части «Саги об Олаве Трюгвасоне» [к. 394] в «Книге с Плоского Острова», где собраны свидетельства того, что этот конунг не утонул, бросившись в воду со своего корабля, Великого Змея, а избежал гибели. Среди этих свидетельств есть рассказ о посланце Олава Трюгвасона, который сообщил его сестре Астрид и Эрлингу, его зятю, о том, что конунг жив и находится в монастыре за морем, и в подтверждение «правдивости своих слов» передал Астрид принадлежавшие Олаву вещи – нож и ремень, «которые ей послал ее брат», причем Астрид, и вправду сразу же узнала в них ценные вещи своего брата («þessi madr hafde at sanna sögu sina knif ok bellti at færa Astride er hann quad brodur hennar hafua sent henni. Astridr sagde suo at hon kende georla at Olafir konungr hafde att þessa gripe er þa uoru henni færder»: Flat. I. S. 502). Таким образом, и здесь нож и ремень выполняют функцию *опознаваемых знаков, подтверждающих истинность рассказа персонажа*.

Всего лишь одна глава саги отделяет эту историю от другого рассказа, в котором фигурируют эти же принадлежавшие Олаву предметы, однако его действие происходит в конце правления Магнуса Доброго, т.е. почти на полвека позднее. Сообщается о встрече норвежца Гаута в монастыре на юге с неким мужем, в котором он узнает пропавшего конунга Олава. На прощание тот передает привет Эйнару Брюхотрясу⁶ и велит сказать ему, что никто не сражался на Великом Змее отважнее, чем он, а в качестве доказательства того, что Гаут говорит правду, посылает Эйнару принадлежавшие ему нож и ремень, и с этими словами вкладывает их в руки своему посланцу, причем сказано, что это были «отменные вещи» («ok til sannra jartæigna at þu segir satt fær þu honum knif ok bellti er ek sende honum. Ok fek hann honum þa j hendr knif ok bellti goda gripe þess kyns»: Flat. I. S. 505 [к. 396]). Гаут привез эти вещи Эйнару и рассказал ему о своей поездке и встрече с тем мужем, а Эйнар «со слезами» подтвердил («mællti hann med tarum»), что тот виделся с самим Олавом Трюгвасоном.

⁶ Знатный норвежец, бывший вместе с Олавом Трюгвасоном в битве при Свёльде; упоминается во многих королевских сагах и прядях.

В завершение истории в саге приводятся имена цепочки свидетелей, первый из которых слышал этот рассказ от самого Эйнара Брюхогряса (Flat. I. S. 506). Как видим, и здесь функция интересующих нас предметов та же, что и в предыдущих случаях, причем надо особо отметить очевидные параллели с эпизодом из «Саги о людях из Лососьей Долины»: там Мелькорка «вкладывает в руку» сына «нож и пояс» («fékk hún honum í hönd hníf og belti»), здесь то же самое делает Олав Трюггвасон; там старуха-ирландка плачет от радости, увидев посланные ей Мелькоркой знаки, здесь Эйнар, получив такие же знаки, со слезами сообщает посланцу конунга, что тот действительно встречался с Олавом Трюггвасоном. Не исключено, что эти дополнительные схождения обусловлены тем, что обе саги входили в одну компиляцию.

Итак, в шести случаях из семнадцати пара «нож и ремень» – это *опознаваемые предметы, знаки, которые позволяют идентифицировать их владельца*. При этом в большинстве приведенных примеров сообщается, что это были «хорошие» или «ценные» вещи. Именно эта характеристика становится ключевой в следующей группе примеров.

2. Передаваемые ценные вещи (Подарок или награда за что-либо)

Так, по сообщению «Саги о Кнютлингах» (гл. 55), перед своей гибелью датский конунг Кнут сын Свейна (св. Кнут) снимает с себя «украшенный» ремень, «отменное сокровище», и такой же драгоценный нож и отдает их своему приближенному Свейну сыну Торгунны со словами, что тот едва ли будет и впредь получать от него подарки («fá tók hann belti búit, er hann hafði um sik, var þat enn bezti grip; þar fylgði ok með búinn knifr): Knýtl. S. 271).

Такой же прощальный подарок делает незадолго до своей гибели Хельги сын Дроплауг, когда он снимает с себя и отдает своей возлюбленной Тове по прозвищу Ночное Солнце «добрый пояс с украшенным ножом» («Helgi spretti af sér belti góðu og þar á hnifur búinn»). У Товы было предчувствие, что Хельги не вернется из этой поездки, и она плакала, провожая его («Сага о сыновьях Дроплауг», гл. 9) (ÍSP, I. Bls. 355; Исландские саги 2000. С. 228).

И в следующем примере те же предметы вновь достаются женщине. В одном из эпизодов «Пряди о Болли сыне Болли»

рассказывается о конфликте Болли с неким Хельги с Уступа, во время которого жена Хельги, Сигрид, принимает сторону Болли и всячески стыдит и увещевает своего мужа. Хельги, однако, не слушает ее, и дело заканчивается тем, что он вызывает Болли на суд. Перед отъездом Болли велит своим людям отнести Сигрид «нож и ремень» («*færa heim húsfreyju Helga hníf og belti er eg sendi henni*») со словами: «Я посылаю их ей, поскольку мне сказали, что она заступилась за нас» (ÍSP, III. Bls. 2096; Исландские пряди 2016. С. 569). Позднее конфликт приводит к вооруженному столкновению, в ходе которого Болли убивает Хельги.

Как видим, во всех приведенных случаях нож и пояс – это подарки, которые дарятся на прощание (в последнем примере в благодарность за поддержку), причем всякий раз это *прощание перед чьей-то скорой гибелью*: дарителя или лица, близкого одариваемому.

Следующий пример из «Саги о Гисли» (гл. 27). Рэв укрыл Гисли у себя в доме, когда того искали враги. «Гисли... проводит у Рэва две недели, а потом уезжает, и они расстаются с Рэвом друзьями. Гисли дарит ему нож и пояс, добрые вещи. Больше ничего у него с собою не было («*gefur Gísli honum kníf og belti og voru það góðir gripir en ekki hafði hann fleira laust*): ÍSP, II. Bls. 885; Исландские саги 1999. Т. I. С. 549). И в этом случае речь идет о прощальном подарке – благодарности за помощь, причем особо отмечается, что герой отдает единственные дорогие вещи, которые при нем имелись.

Если первые четыре примера этой группы объединяет то, что пара «нож и ремень» в каждом из них – это подарок на прощание, тогда как мотив благодарности является подчиненным или может отсутствовать вовсе, в других случаях речь идет о ценностях, которые были получены (или обещаны) в обмен или в награду за что-то.

В одном из эпизодов «Пряди о Халли Челноке», скальде, постоянно развлекавшем своего патрона, Харальда Сурового, забавными, а подчас и дерзкими выходками, рассказывается, как однажды конунг нарядил карлика-фриза по имени Тута в собственную кольчугу, которая звалась Эмма и самому конунгу доставала чуть ли не до пят, нахлобучил ему на голову шлем и опоясал его мечом. В этом «одеянии» Тута и предстал перед дружинниками, причем сказано, что «вид у него был чудной». Харальд предложил присутствующим сочинить о нем вису: «“Тот, кто сочинит вису о карлике, да так, что я решу, что она хорошо сложена, получит от меня этот нож и этот ремень” («*þiggi að mér hníf þenna og belti*»), – и выкладывает перед собой на стол эти сокровища («*og lagði fram*

á borðið fyrir sig gripina»). – “Только имейте в виду: если я сочту, что виса никуда не годится, тот, кто ее сложил, заслужит мое неодобрение и лишится обоих сокровищ” («missa gripanna beggja»). Не успел конунг объявить об этом, как человек, сидевший на самой дальней скамье, произнес вису. Это был Халли Челнок:

Зрим, как фриз, обряжен,
перед дружиной княжьей,
малец, колец цепи
и шелом нам кажет.
Поутру тут Тута,
меч стучит в кольчугу –
от печи добытчик
печива ни шагу.

Конунг велел отнести ему сокровища: “И ты заслужил их по праву, так как эта виса хорошо сложена”» (ÍSP, III. Bls. 2220; Гуревич 2016. С. 388–389). Здесь, таким образом, скальд получает от конунга драгоценные нож и ремень за успешно выполненное трудное задание.

В следующих двух примерах владелец драгоценных ножа и ремня, напротив, сулит их герою за бездействие – *отказ совершить что-то против него*.

В одном из эпизодов «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» (никак не связанном с тем, о котором шла речь выше) Олав Трюггвасон посылает Халльфреда к Торлейву Мудрому, внуку знатного норвежца Торлейва сына Хёрда-Кари, который отказывается принять христианскую веру. Халльфреду поручено либо убить его, либо ослепить. Халльфред изменяет свою внешность и выдает себя за нищего⁷; так он является к Торлейву. Завязывается борьба и Халльфред выдавливает Торлейву один глаз. Тот молит его оставить ему другой глаз, за что сулит ему нож и ремень, «оба – отменные сокровища» [редакция «Möðruvallabók»: «eg vil gefa þér hnif og belt og er hvortveggja góður gripur» [k. 6] (ÍSP, II. Bls. 1207); редакция «Flateyjarbók»: «eg gef þér í móti hnif og belt og er hvortveggja gersemi» [k. 8] (ÍSP, II. Bls. 1238)], и, кроме того, обещает Халльфреду впредь оказывать ему помощь, когда бы она ему ни понадобилась. Халльфред отказывается от подарка, объявляя это

⁷ Ср. этот же мотив в знаменитой «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде» (см.: Гуревич 2016. С. 14).

предложение подкупом, однако оставляет Торлейву глаз и вместо его второго глаза привозит конунгу глаз своего врага Кальва.

Сходный пример имеется в «Саге о Золотом Торире» («Gull-Bóris saga», гл. 3–4). Торир пытается проникнуть в курган берсерка Агнара за золотом, и ему снится статный воинственный муж в алом одеянии, на голове у него был шлем, в руках – украшенный меч, на руках – перчатки, кроме того, его опоясывал толстый ремень, на котором был добрый нож («Hann hafði um sig digurt belti og þar á góðan hníf»: ÍSP, II. Bls. 1123). Агнар (это был он) говорит, что приходится единоутробным братом отцу Торира и при условии, что тот оставит намерение ограбить его, обещает дать ему ценные и обладающие чудесными свойствами вещи, в том числе нож и ремень; последние Торир должен будет отныне всегда носить («Hníf og belti læt eg hér eftir og það skaltu jafnan á þér hafa»: ÍSP, II. Bls. 1123). Торир отказывается от всего, что ему предлагает Агнар, называя его посулы мелочным подкупом, однако в конце концов курганному жителю все же удается убедить его отправиться за другими сокровищами, которые тот сможет добыть в пещере викинга Валя. А когда Торир просыпается, он находит рядом с собой все предметы, которые были ему обещаны.

Таким образом, и в этой саге нож и ремень – это ценный подарок, полученный за отказ совершить что-то против дарителя, причем заметим, что эти вещи *достаются герою от обитателя кургана*.

Последний мотив мы находим и в «Пряди об Олаве Альве Гейрстадира» – истории об отдаленном предке Олава Святого, передавшем ему свое имя. Храни видит во сне курганного жителя, который приказывает ему проникнуть в курган и забрать у него меч Бэсинг, золотое кольцо, «а также нож и ремень (*knif ok bellti*), которым он подпоясан» (Flat. II. S. 8)⁸. Затем он должен отправиться к Харальду Гренландцу и этим ремнем опоясать роженицу (его жену Асту), чтобы она наконец-то разрешилась от бремени, и за оказанную ей помощь потребовать себе право дать имя новорожденному. Так и происходит. (Согласно редакции этого же рассказа в «Легендарной саге об Олаве Святом» (ÓHLeg. S. 1–4), Храни отдает затем мальчику вынесенные из кургана ремень и кольцо, окропляет его водой и нарекает Олавом.)

Здесь пара «нож и ремень» впервые распадается на составляющие: нож, после того как он был вынесен из кургана, уже более не

---

⁸ См. полный текст пряди в кн.: Гуревич 2016. С. 202–206.

упоминается, и ремень функционирует отдельно от него, причем совершенно так же, как в «Саге о Йоне епископе». В одном из эпизодов этой саги рассказывается о роженице по имени Тордис, которая (как и Аста) очень долго не могла разрешиться от бремени, так что ее состояние внушало большие опасения. Призвали священника, и он опоясал ее своим ремнем, который прежде побывал на гробнице св. Йона, после чего она тут же разродилась и возблагодарила Господа и св. Йона («þaa tekr hann bellti sitt ok legggr vm hana. þat sama bellti hafði aðr lagtt verit vm kistv h(eilags) J(ons) byskvps. ok iamskiott sem belltit var vm hana lagtt. þaa varð hvn lettari ok þackaði G(vði) ok h(eilvgvm) J(oni) byskvipi»: JBpA 2003. Bls. 46–47)⁹.

И, наконец, последний пример, где «нож и ремень» характеризуются как ценности, встретился в «Пряди о Норна-Гесте». Друзинники заставляют Геста побиться с ними об заклад, что он видел золото не хуже того, которое им было показано (имеется в виду привезенное Олаву Трюгвасону драгоценное запястье). Уверенные, что выиграют, они ставят четыре марки серебра, а ему предлагают поставить свой нож и ремень (*knif þinn ok bellti*), и пускай конунг рассудит, кто из них прав (Flat. I. S. 348; Гуревич 2016. С. 89). Как видим, речь здесь идет не о подарке, а о закладе (т.е. о предметах, потенциально передаваемых в другие руки), и, как можно заключить из общего контекста, нож и ремень выбраны для этой цели потому, что это единственные заметные окружающим ценности, которые имеются у гостя. Здесь впервые у нас появляется возможность установить примерную меновую стоимость этих вещей: сказано, что противники, со своей стороны, готовы поставить 4 марки серебра (1 марка = 8 эйрирам, т.е. нож и ремень оцениваются в 32 эйрира). Эти сведения привлекают внимание, прежде всего из-за их несоответствия упоминавшейся ранее статье из сборника норвежских законов «Ландслов», в которой говорилось о том, как следует квалифицировать случаи, «если один человек крадет у другого его собаку или кошку, нож или ремень...». В судебнике этот перечень завершается словами: «...и все, что стоит менее одного эйрира, то это [должно считаться] мелкой кражей» («oc allu þui er minna er uert en øyris. þa er huinzska: Landsl 172¹⁶)¹⁰. В отличие от сказанного в «Ландслове», в наших примерах речь шла почти исключительно о дорогих и ис-

⁹ Цит. по ONP: <http://onpweb.nfi.sc.ku.dk/webart/b/be/776840802ckronpnfr.htm>.

¹⁰ Цит. по ONP: <http://onpweb.nfi.sc.ku.dk/webart/b/be/7768ckron.htm>.

кусно изготовленных (*búinn* «украшенных») предметах, сплошь и рядом называемых «соковищами» (*gripr, gersimi*).

3. Нож на поясе → нож на шее

И, наконец, в небольшом числе случаев *нож, висящий на пояском ремне* превращается в *нож, висящий на ремне, накинутом на шею*. Собственно, мы наблюдали это превращение уже в самом первом из рассмотренных примеров: а именно, когда перед встречей с братьями-мошенниками Хрои накиннул себе на шею ремень с подвешенным к нему ножом, где эти ценные вещи и были замечены обманщиком. Д. Стрёмбэк считал, что образцом для описанного в пряди действия Халли могла послужить одна из сцен «Саги о Халльфреде Трудном Скальде» (Strömbäck 1970. S. 72–74).

Выше уже приходилось говорить об эпизоде этой саги, повествующем о поездке Халльфреда в Швецию. В торговом месте Халльфред встречает человека по имени Аудгисл, и тот становится его компаньоном. Во время странствия через лес к ним присоединяется проводник Энунд, оказывающийся разбойником. Он убивает Аудгисла и пытается сзади зарубить Халльфреда топором, однако того выручает перекинутый за спину ремень с большим ножом, «с какими тогда было в обычае ходить», который он повесил себе на шею [редакция «Möðruvallabók»: «og hafði kastað belti sinu á háls sér og var þar hnífur mikill er mönnum var þá títt að hafa og var hnífurinn á bak honum» [к. 7] (ÍSP, II. Bls. 1209)]: удар пришелся по подвесному ножу («*hjó til hans tveim höndum með exinni og kom í tygilhnífinn*»: ÍSP, II. Bls. 1209). Как вариант здесь появляется другое наименование ножа: «подвесной нож», который носили на шее (*tygilkníf á hálsi*, сочетание, встречающееся еще в трех сагах¹¹; ср. словарное определение этого предмета: *tygil-knifr* «a knife or dirk hanging from the belt on a *tygill*» «ремешок, шнурок; завязка на шее, на которой держался плащ»: Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957. P. 646).

Этому эпизоду из «Саги о Халльфреде» находится полная параллель в «Саге о людях с Песчаного Берега». Речь в нем идет о стычке между Ториром сыном Золотого Хёрда и Оспаком (Eyrbyggja saga, к. 58): «Þórir hafði haft tygilhníf á hálsi sem þá var títt og

¹¹ Помимо «Eyrbyggja saga» (к. 58), о которой здесь будет сказано, это – «Heiðarvíga saga» (к. 23, 25) и «Finnboga saga ramma» (к. 17, 35, 40).

kastað á bak sér aftur og hafði þar komið í höggið» (ÍSP, I. Bls. 613) «У Торира висел нож на шее, как тогда было в обычае, и он перекинул его себе за спину, и удар пришелся туда». В обоих случаях перекинутый за спину висящий на шее *нож на ремне* спасает его владельца от смерти.

Знаменательный (и последний) пример, о котором нельзя не упомянуть в этой связи, присутствует в «Саге о людях из Речной Долины» (Fljótsdæla saga, k. 19). Считается, что это поздняя сага, созданная не раньше второй половины XIV в. Сыновья Дроплауг приходят к Гуннстейну после того, как они трижды обыскали двор и службы его брата Свейнунга в поисках Гуннара Убийцы Тидранди. Их усаживают за стол. Сказано, что «тогда никто не носил нож на ремне («Enginn maður hafði þá hnif á belt»)). Когда люди выходили из дома, они брали с собой подвесной нож и вешали его себе на шею («Þá er menn fóru úti höfðu þeir tygilhnifa og festu á háls sér»: ÍSP, I. Bls. 716). В дальнейшем в действии участвует только нож. Братья рассказали Гуннстейну о том, что они побывали у его брата, потом Хельги сын Дроплауг «вынул нож и собрался есть». Хозяин спрашивает братьев, не причинили ли они вреда Свейнунгу и при этом так сильно сжимает руку Хельги, что нож выпадает из его руки. В результате братья ложатся спать голодными и расстаются с Гуннстейном холодно. Таким образом, рассказчик специально комментирует два способа (или обычая) ношения ножа – на поясе и на шее¹², – хотя его объяснения никак не «работают» в описанной им вслед за тем сцене. О цели этого замечания остается только гадать, однако совершенно очевидно, что *нож на поясе* становится здесь объектом комментирования именно потому, что в представлении автора саги эта пара является традиционным «общим местом», с которым ему наверняка не раз приходилось сталкиваться в других текстах.

Подведем итоги. Как следует из рассмотренных примеров, пара нож и ремень регулярно появляется в двух типах контекстов, причем в каждом из них она выполняет вполне определенные функции. В первом – это личные вещи, служащие *средством идентификации их владельца*, будь то «верительные» знаки, которые легко опознаются окружающими как принадлежащие конкретному персонажу и потому доказывают правдивость сообщения его посланца (или того, в чьих руках они оказались в случае его гибели

¹² Судя по археологическим данным, оба эти способа ношения ножа отражали реальную практику (Wolf 2004. P. 78–79; Falk 1914. S. 124–125).

ли), или улики, прямо указывающие на преступника в ситуациях, когда был нарушен закон. Во втором – это *ценности, передаваемые в дар* (нередко на прощание) или *в награду за что-то* (в том числе за оказанную услугу или отказ от враждебных действий). Важно отметить при этом, что выделенные типы контекстов могут пересекаться: так, в эпизоде из «Саги о Ньяле» полученные в дар нож и ремень в дальнейшем становятся уликой. Главное же, что объединяет почти все известные нам контексты, в которых появляется рассматриваемая пара, независимо от выполняемых ею функций, – это характеристика опознаваемых либо передаваемых в дар личных предметов как «драгоценностей» или «сокровищ».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Глазырина Г.В. Совмещение традиций (топосы описания воображаемого пространства в «Саге об Эйреке Путешественнике») // ДГ, 2011 год: Устная традиция в письменном тексте / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М., 2013. С. 118–146.
- Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: Поэтика «прядей об исландцах». М., 2004.
- Исландские пряди / Изд. подгот. Е.А. Гуревич. М., 2016.
- Исландские саги / Под ред. А.В. Циммерлинга. М., 2000. Т. 1.
- Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II.
- Brennu-Njáls saga / Einar Ól. Sveinsson gaf út. Reykjavík, 1954. (ÍF, XII).
- Cleasby R., Gudbrand Vigfusson. An Icelandic-English Dictionary. 2nd ed. Oxford, 1957.
- Falk Hj. Altnordische Waffenkunde // Videnskapsselskapets skrifter, II. Hist.–filos. kl. Kristiania, 1914. B. 6.
- Flat. – Flateyjarbók. En samling af norske konge-sagaer med indskudte mindre fortællinger / Udg. Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860–1868. Bd. I–III.
- Fliótsdæla saga // Ausfirðinga sögur / Jón Jóhannesson gaf út. Reykjavík, 1950. (ÍF, XI).
- ÍSP – Íslendinga sögur og þættir / Ritstj. Bragi Halldórsson o. fl. Reykjavík, 1987. B. I–III.
- JBpA – Jóns saga byskups ens helga / Ed. P. Foote // Editiones Arnarnaganae. Ser. A. Copenhagen, 2003. Vol. 14.
- Knýtí. – Jómsvíkinga saga ok Knytlínginga með tilheyrandi þáttum // Fornmanna sögur eptir gömlum handritum útgefnar að tilhlutun hins Norræna Fornæðafélags. Kaupmannahöfn, 1828. Bd. XI.

- Landsl. – Kong Magnus Lagabøters Norske Landslov // Norges gamle Love / Udg. R. Keyser, P.A. Munch. Christiania, 1848. Bd. II. S. 1–178.
- ÓHLeg. – Olafs saga hins helga: En kort saga om kong Olaf den Hellige fra anden halvdeel af det tolfte aarhundrede. Efter et gammelt pergamentshaandskrift i Universitetsbibliotheket i Uppsala / Udg. R. Keyser, C.R. Unger. Christiania, 1849.
- ONP – A Dictionary of Old Norse Prose: <http://onp.ku.dk/english/>
- Strömbäck D. En orientalistisk saga i fornnordisk dräkt // *Strömbäck D.* Folklore och Filologi. Valda uppsatser utgivna av Kungl. Gustav Adolfs Akademien. Uppsala, 1970. S. 70–105.
- The Tale of Beryn, with a prologue of the merry adventure of the pardoner with a tapster at Canterbury / Ed. F.J. Furnivall, W.G. Stone (Early English Text Society Extra Series, 105). London, 1887.
- Wolf K. Daily Life of the Vikings. Westport, Connecticut; L., 2004.

Elena A. Gurevich

“KNIFE AND BELT”: AN UNINVESTIGATED *LOCUS COMMUNIS* IN OLD ICELANDIC PROSE TEXTS

The article deals with one of the previously uninvestigated *topoi* which occurs in Old Icelandic prose texts, the pair “knife and belt” (*knifr ok beltr*). As revealed in an analysis of all extant examples found in the sagas and *þættir* where this *locus communis* is attested, the pair “knife and belt” regularly appears in two types of context, and in each of these it has well-defined functions. In the first type of context “knife and belt” are personal belongings serving as means of identifying their owner. These may be objects of credence, which are easily recognized by others as possessed by a concrete character and thus can prove the truthfulness of the report of his (or her) messenger, or material evidence, which can point directly to the perpetrator in the event of violation of the law. In the second type of context the pair “knife and belt” refers to valuables passed on as a gift (often at parting) or as a reward for something (in particular for certain services or for refraining from hostile actions). An important feature common to almost all known prose contexts of the pair “knife and belt” irrespective of its immediate functions, is that these either identifiable or donated personal objects are characterized as precious things or treasures.

Key words: *topoi*, *loci communis*, Old Icelandic literature, sagas, *þættir*.